

КЕНЖЕГУЛЬ ШИРИНОВА
(Кыргызстан)

Простое счастье

Приключения городской невестки в деревне
Рассказ

Расул проснулся рано. Он любил раннее утро. В это время вокруг бывает очень тихо, безмятежно и спокойно. Дети хотят доспать последние минуты, и от этого их сон становится еще глубже. В доме полная тишина, слышно только тиканье часов. Рядом мирно посапывает жена. Ее волосы красиво рассыпались по подушке.

«Что-то она хмурится», – улыбнулся он, разглядывая лицо жены. Чем-то недовольна, и вид уставший. Трудится, как пчелка, целый день заботы, дети и дела по дому. Для нее весь мир замкнулся на семье. Тревога за детей, за все, что они делают или, наоборот, не сделали. За учебу в школе, в институте. За то, что они едят, пьют и носят. За то, что у них не получается, за возникшие проблемы, и необъятная радость за их успехи и победы. Переживает за все и за всех, такая уж она мама, жена и невестка. «Ах ты, мой милый человек, как же мне повезло с тобой. Чем же я заслужил такую жену перед Всевышним?! Мы вместе так давно, целую жизнь. Все было в ней, и радостные события, и горе, и проблемы разные. Впрочем, как и у многих, ведь это жизнь, а она не бывает всегда одинаковой. Но я всегда знал, что мы решим все наши проблемы, и ничего никогда не боялся. Всем своим существом чувствовал поддержку родных и особенно поддержку жены. Я всегда был уверен, что она за мной и в огонь, и в воду, если понадобится. Это придавало уверенность, что нет для нас неразрешимых проблем. Мы настолько стали родными, срослись за эти годы, что нам не нужно ничего говорить вслух. Мы обходимся без слов, понимаем друг друга по одному взгляду и выражению лица. Она удивительный все-таки человек. Бесконечной доброты, терпения. Не один раз я обижал ее, конечно. Сам не понимаю, почему, но именно на ней иногда срывал свое плохое настроение, неудачи. А она ни одним словом, ни одним жестом не показывала своего недовольства. Терпела и ждала, ждала и любила... Так, наверно, куется настоящее счастье», – подумал Расул, погладил жену по волосам, прижал к себе и вдохнул родной запах. «Счастье мое, милая моя, как же я тебя люблю. Но ведь я никогда тебе не говорю об этом, – усмехнулся он. – А то зазнаешься, еще перестанешь любить меня и заботиться». Он снова пристально посмотрел на спящую жену и сам же себе сказал: «Нет, не разлюбит, ни за что не разлюбит, это мой родной человек, моя душа, моя жена и мой самый преданный друг на всю мою жизнь».

Тётушка Сона с нетерпением поглядывала на старенькие часы с кукушкой, ви-сящие на стене бог знает с каких времен. Сегодня стрелки двигались с большой неохотой, во всяком случае, медленнее, чем всегда. Она не могла усидеть на одном месте, а время не торопилось, словно ей назло, испытывая ее терпение.

Но вот послышался скрип хромовых сапог, это означало, что муж пришел с работы и поднимается по лестнице. Каждый его неторопливый, твердый шаг усиливался скрипом половиц. Хррр-хррр-хррр, – приближался скрип. Тетушка быстро перевязала голову стареньким, выцветшим от времени платком, коим хотела подчеркнуть важность момента. Хитрый прием, который действовал на мужа безотказно. Присела на деревянный скрипучий стул с изогнутой спинкой и заохала: «Ох, ох, ох»...

– Ай Аллах, что за дни настали для меня?! Что же этот чертенок надумал, видно, не пошла ему на пользу учеба в городе. Видите ли, выбрал себе невесту и хочет жениться. Ах, ах, что же теперь будет? Ведь ничего не готово, а столько всего нужно, – запричитала она, качая головой и тяжело вздыхая, всем видом придавая своим словам больше трагичности.

– Что случилось, вопишь, словно умер кто-то? – спросил Кадир, медленно приближаясь к жене, сопровождая каждый свой шаг скрипом знаменитых на всю деревню хромовых сапог.

– Ваш сын собрался жениться и, видите ли, невесту нашел в городе, – выпалила тетушка мужу и заломила руки, словно актриса на сцене, при этом закатывая глаза, словно собралась падать в обморок от этой новости. – Ты понимаешь, что городской ребенок не сможет прижиться в деревне. Она же не привыкла к деревенской жизни. Ей ведь нужна вода в кране в доме, ванна, теплые батареи, и коров она доить не умеет, да и вряд ли захочет поехать сюда. А значит, придется сыну переезжать в город, мы для этого растили его? Скажи, для этого? Кто будет за нами ухаживать в старости, кто подаст стакан чая нам? – без умолку продолжала она. – Ох, ох, ох, какое наказание нам послал Всевышний, за что, а? – Сона уставилась на мужа, ожидая его реакции, но больше надеясь услышать успокоительные слова и поддержку.

– Ну что ты так кричишь, уши заложило, успокойся, вот всегда сделаешь бурю в стакане воды. Раздуваешь огонь из ничего. Успокойся, я сказал, ничего еще неизвестно. Посмотрим, что хочет сказать сын. Может быть, действительно она достойная пара нашему Расулу, время покажет. Дождемся его приезда, а там видно будет. И перестань причитать на всю улицу, – буркнул он и включил телевизор на всю громкость, дабы не слышать голоса все еще охающей и причитающей жены. «Надо же, как быстро вырос сын, я и не заметил, – подумал он. – Да, незаметно летит время, вот и моему сорванцу пришла пора обзавестись семьей. Ну что же, дело хорошее. Значит, мужчиной стал, это радует. Но забот предстоит много, в этом жена права. Да и из города, говорит, невестка будет, действительно, как она здесь приживется, неизвестно. Надо дождаться сына, выслушать его, а там решение придет само, нужно дождаться». Кадир встал, повернулся к жене и, чтобы отвлечь ее от мыслей, сказал с напускной строгостью:

– Неси ужин, жена, не видишь, муж пришел с работы уставший и голодный?

– Ну да, конечно, как же, поесть мы не забываем при любых обстоятельствах, – неожиданно для себя и для мужа съязвила тетушка Сона, но, как всегда, послушно все же направилась в сторону кухни. «Что-то ты стала сдавать, походка стала тяжелой, нет былой легкости, ноги, наверно, болят опять, глаза уставшие», – пожалел жену Кадир, провожая ее взглядом. «Итак, сын решил жениться, – возвратился он к своим мыслям и вздохнул: – Мда, уж не знаю, радоваться или огорчаться»...

Кадир и Сона поженились вскоре после его возвращения из армии, а она в это время закончила школу. В деревне их уважали, да, собственно, было из-за чего. Они были весьма видной и красивой парой. Отслужив и приехав домой в деревню, Кадир закончил институт, работал сначала в колхозе бухгалтером. Вскоре в райкоме, заметив образованного, целеустремленного и способного молодого человека, решили возложить на него финансовые вопросы всего района.

Высокий стройный муж с фосфорическим блеском в глазах, который как бы просвечивал собеседника насквозь, со строгими жизненными принципами, неторопливой, содержательной речью, образованный и важный человек в районе... Казалось, все эти качества читались по его сократовскому широкому лбу. И стройная, маленькая женщина с улыбчивыми, лучистыми глазами, скромная и добродушная, вечно в заботах и делах по дому. Выйдя замуж, Сона полностью погрузилась в семейную жизнь. Благо, попала она в хорошую семью.

Благородный, воспитанный и всегда корректный свекор, отзывчивая, заботливая, мудрая и добрая свекровь. Влияние свекра и свекрови на молодую пару было огромным. Да и воспитаны они были так, что возразить или ослушаться старших считалось просто недопустимым. По неписаным законам в семье всегда царил авторитарный порядок, где слово отца означало нечто большее, чем просто слово. Наверно, Кадир перенял от отца не только внешнюю схожесть, но и самые сильные и яркие качества. Да, собственно, не он один, и все следующие поколения тоже во многом были похожи на своего весьма харизматичного предка. Вот и Кадир впоследствии, как и отец, стал в семье самой влиятельной и решающей инстанцией. С ним не спорили, не доказывали свою правоту, а все принималось беспрекословно. Сона, как и ее свекровь, научилась говорить «Мужчина должен сказать один раз, и должен быть услышан. Это мы, женщины, можем без умолку болтать, так создал нас Творец». С этими словами слабой половины этой семьи спорить было бесполезно.

Даже скрип мужниных сапог производил просто какое-то магическое воздействие на всех домочадцев. Срабатывал какой-то невидимый щелчок, словно им не хватало именно этого скрипа. Вдруг все само собой решалось, ссорившиеся и кричащие дети мгновенно замолкали. Куда-то бесследно исчезали их капризы и шалости. На столе быстро появлялся обед, и все старались помочь маме.

Подруги и близкие шутили: «Сона, на тебя волшебным образом воздействует скрип сапог мужа, словно заворачивает или наводит ужас, а от тебя передается и на всю вашу семью». На что женщина отвечала: «Мужчина таким и должен быть. Одно его появление должно наводить страх. Он же не кот, чтоб мягко, крадучись, пробираться в дом и остаться незамеченным. Его должно быть слышно за километр». Все падали от смеха при этих словах. Вместе со всеми смеялась и она, вздрагивая всем своим телом, что придавало ситуации еще больше комичности. С годами Сона из послушной невестки превратилась, быть может, в самого необходимого, самого нужного человека в семье, без неё не решалась ни одна проблема, не делалось ни одно важное и не очень важное дело. В семье сложился определенный порядок. Авторитарный, строгий, но очень рассудительный и справедливый отец, и собравшая в себе все идеальные качества мудрая, терпеливая, никогда не теряющая трезвой рассудительности жена – добрая, учтивая, отзывчивая, работающая, самая заботливая и всем нужная. Умеющая даже самые незначительные семейные события превратить в радостные фееричные праздники. Эту удивительную свою способность впоследствии Сона привила и своим невесткам.

Узнав от дочери о желании сына жениться на городской девушке, Сона хотела первой сообщить мужу новость, а он-то уж всегда найдет верное решение, думала она. И сообщила, как только он пришел с работы. Включив всю свою артистичную натуру и как можно больше вкладывая в слова трагичности. Она не хотела, чтобы сын женился на городской девушке, надежнее было бы взять из деревни, вон сколько их, – рассуждала тетушка.

Рассказав мужу об этой новости, она немного успокоилась, подумав, что он, как всегда, найдет верное решение.

Предстояла беседа отца и сына по поводу женитьбы. Расул волновался. Надо было убедить родителей, что Минае – девушка, которую он любит и что именно с ней хочет создать семью. Да, она дитя города, ну и что, она же хорошая, нежная, образованная, тонкая и ответственная, с богатым внутренним миром. Она всему научится, не хуже мамы будет готовить и управляться с хозяйством. Он продумал, какими именно словами будет убеждать отца, но заранее приготовился к самому худшему. В коридоре послышался скрип отцовских сапог. «Помоги мне, Всевышний», – волнуясь, подумал Расул. Его нервы напряглись, словно на него через мгновение обрушится лавина, и почувствовал, как с приближением скрипа ладони и лоб покрылись потом.

Войдя в комнату, отец внимательно посмотрел на сына. По сверкающим глазам, сведенным бровям, серьезному выражения лица, по переплётённым и побелевшим пальцам рук, он понял, что сын непоколебим в своем решении, что он окончательно сделал свой выбор и насмерть будет отстаивать его.

«Характером он весь в меня, упрямый и решительный. Вряд ли стоит на него сейчас давить, – подумал Кадир, глядя на сына. А потому не стал отговаривать его и навязывать свое мнение и пришёл к выводу: – В конце концов, это его жизнь, пусть сам ее и строит».

– Мы с матерью рано или поздно уйдем в мир иной, как Бог даст, это жизнь, сынок, – начал он приглушенным строгим голосом, присаживаясь на стул. – Вы будете жить дальше, у вас будут дети, а потом и внуки и правнуки. Именно сейчас ты укладываешь первые кирпичи своего будущего дома и будущей семьи. От того, как ты это сделаешь, зависит прочность твоих стен, счастье и надежность твоей семьи. Если ты решил жениться на этой девушке, обдумай все хорошенько и поступай, как ответственный мужчина. Как глава семьи. Семья создается один раз и на всю жизнь, помни об этом. Не принимай увлечения за любовь. Хороших и красивых девушек много, а та, которая нужна тебе, одна. Мы с твоей мамой не против и не собираемся разубеждать тебя. Поступай так, чтобы потом не жалеть о принятом решении, – неторопливо, но твердо и внушительно сказал он Расулу.

Отец замолчал, немного посидел, о чем-то глубоко задумавшись. В комнате повисла полная тишина. Затем встал, еще раз внимательно посмотрел в глаза сыну и, не выронив больше ни единого слова, вышел, оставив сына один на один со своими мыслями...

– Дорогой, проснись, ну проснись же, прошу тебя, – услышал Расул сквозь сон. Было раннее утро. Просыпаться совсем не хотелось, он взглянул в окно. Светало. – Ну же, помоги мне, дорогой, – дернула его Минае за рукав. Расул повернулся к жене и от испуга вздрогнул всем телом. Вместо жены перед ним стояла маленькая, худенькая, абсолютно седая женщина с растрепанными волосами, одетая в испачканную чем-то одежду. Сон как рукой сняло. Не веря тому, что увидел, он протер глаза.

– Мина, это ты? – еле выдавил Расул чужим голосом. – Что с тобой случилось?

– Я, конечно, кому же еще быть-то. Дорогой, сейчас шесть утра. Я хотела в самоваре чай вскипятить для отца, он же рано уходит на работу, и не могу разжечь огонь. Вот, испачкалась в золе.

– Ну, теперь понятно, почему ты вся обсыпалась пеплом, – еле сдерживая смех и все еще не веря, что перед ним стоит его жена, сказал он.

– Так получилось, дорогой, это пепел из трубы самовара, я просто его попыталась почистить. Помоги мне, я раньше никогда этого не делала. Прошу тебя, это важно для меня, понимаешь, – протянула нежным голосом Минае. Щекоча, заставила его встать и потянула мужа за собой. Выйдя во двор, Расул увидел, что рядом с самоваром лежит куча толстых, сухих поленьев и стоит огромная канистра с соляжкой.

– Ну и как ты собиралась разжечь самовар такими толстыми дровами, дорогая, и солярку зачем-то принесла? – задыхаясь от хохота, спросил он жену.

– Зачем, зачем, откуда я знаю, взяла, чтобы разжечь самовар, что тут непонятного, – надув губки ответила Минае.

– Запоминай, самовар надо сначала почистить от собравшихся в трубе пепла и золы и разжигать тонюсенькими ветками, а уже потом можно подбрасывать ветки потолще, – щелкнул он жену по носу.

Нисколько не смутившись, Минае засучила рукава и тут же начала повторять за мужем все, что он делал. Со стороны было очень смешно наблюдать, как маленькая, с тонкими запястьями девчонка старалась вскипятить чай в большом самоваре. Расул снова залился смехом.....

Шли дни. Минае потихоньку привыкала к деревенской жизни. Она крепко запомнила слова своей мамы: «Теперь твой дом там, где живет твой муж. Ты сама нашла парня, никто тебе его не навязывал, значит, будь добра, живи. Старайся молча переносить тяготы деревенской жизни, и научиться всему у своей свекрови», – говорила мама. Но в душе они обе, конечно, переживали, как там, в другой семье, да еще в деревне сложится ее жизнь.

Минае была человеком довольно упертым, уж коль задумала чему-то научиться, непременно доводила дело до конца, никогда не сдавалась и не боялась трудностей. А главное, была всегда настолько открытой, естественной и дружелюбной, что вскоре все близкие и родственники искренне ее полюбили.

– Сходи посмотри, подошло тесто или нет. Если поднялось, перемеси его еще раз, так хлеб получится мягче. А я пока с соседкой чай на балконе попью, – сказала как-то свекровь молодой невестке.

– Ай, ай, мамочка, помоги мне, тесто не хочет меня отпускать, помоги, – вдруг услышали они крик невестки через пару минут. И свекровь, и соседка бросились на кухню. То, что они увидели там, заставило обеих присесть прямо на пол, чтобы не упасть от неудержимого хохота. Мина по локоть залезла в тесто, которое было в большом чане, и ее тонюсенькие ручки намертво застряли, словно попали в капкан. Невестка, пытаясь, старалась их вытащить из теста, но ей не хватало сил. Волосы были растрепаны, а из широко раскрытых красивых глаз капали слезы.

– Ох ты мое наказание, – вытаскивая ее руки, сказала свекровь, стараясь остановить свой хохот. – Говорила ведь сыну, не женись на городской, не послушался, вот и результат.

– Я научусь, обязательно научусь, – тихо ответила Мина, оттирая руки и виновато оглядываясь по сторонам, стыдясь, что все увидели, и теперь будут издеваться над ней. Прошло не меньше года, прежде чем она в конце концов научилась печь хлеб в тандыре, и делала это даже лучше мамы.

Из-за своего упрямства и желания научиться всему Минае почти всегда попадала в самые разные смешные ситуации, которые впоследствии становились поводом для язвительных шуток, иногда, в общем, небезобидных. Но она не обижалась, неудачи ее не пугали, наоборот, просыпалось большое желание научиться, появлялся некий неукротимый азарт, который помогал ей. У этой хрупкой, озорной, маленькой городской девушки был сильный характер.

Однажды на рассвете весь дом и даже соседи проснулись от ее истошного крика. Светало. Рано проснувшись, Минае решила, что пока все спят, она натакает воды из арыка и заполнит все фляги. «Вот свекровь обрадуется, ведь сегодня предстоит большая стирка», – подумала она и, быстро одевшись, вышла во двор. Где-то за сараем кричал петух, коровы и буйволицы лениво жевали свою вечную жвачку в ожидании утренней порции сена. Взяв два больших ведра, Мина, тихо о чем-то напевая себе под нос, направилась в сторону недалеко протекавшего арыка. Негромко журчала вода, пели птицы, и солнце ласкало всё вокруг своими нежными теплыми лучами, и настроение было просто потрясающим. Она уже хотела зачерпнуть воды, когда услышала шорох за спиной. Какое-то черное животное, непонятно откуда взявшееся, подбежало к ней и начало облизывать и жевать ее халат. Страх сковал ее движения, и леденящий холод пробежал по телу. «Волк или злая собака? – промелькнуло в сознании. – Вот он, мой последний час, как же я мало успела пожить на этом свете!» – подумала она и, от ужаса зажмурив глаза, прошептала:

– О Аллах, защити меня.

Тем временем животное ощутимо боднуло девушку и с силой потянуло за подол.

«Это все, это конец», – снова мелькнула мысль в голове. Минае показалось, что животное вот-вот загрызет ее насмерть, и она закричала во весь голос:

– Мамочкааааа, не дай собаке меня съесть

– Откуда собаки, мы не держим собак, – вздрогнув от крика, вскочила свекровь. От крика проснулись все, кто находился в это время в доме. Они наперегонки выбежали на улицу, а через мгновение все повалились от неудержимого хохота. Возле арыка стояла насмерть перепуганная, совсем бледная Минаш с двумя пустыми ведрами в руках, которые держала высоко над головой, а родившийся два дня назад теленок буйволицы облизывал и жевал подол ее халата. Вероятно, малыш был просто сильно голоден и искал маму, а яркий халат невестки привлек его внимание. Увиденная картина была настолько смешной, что даже суровый отец не смог удержаться от смеха, не говоря уже о других. Все смеялись, держась за животы, хохотали до слез.

– Пустые ведра-то зачем подняла, ой, не могу, – не в силах остановить свой смех, еле промолвила свекровь. – Надо было бросить их и бежать домой. О Всевышний, сколько еще времени нужно будет моей невестке, чтобы привыкнуть к деревенской жизни? – хохоча, добавила она. Однако подойдя к невестке, приобняла ее за плечи, нежно погладила по голове и спросила: – Ты сильно напугалась, дочка?

Тетушка Сона была человеком мудрым, тактичным и безгранично терпеливым.

Минае полюбила домашний гатыг. Каждый день она снимала жирную верхушку с гатыга и отправляла её в большую пиалу. Добавляла немного сахара, брала в руки кусок тандырной лепешки и с большим аппетитом съедала. Свекровь, увидев это, ничего никому не сказала, догадываясь, что, видимо, есть вполне объяснимые причины, что, вероятно, у невестки токсикоз. Ни одним намеком не дала ей понять, что гатыг предназначен совсем для другой цели. Гатыг всю неделю собирался и в конце недели из него сбивали масло. Домашнее, вкусное сливочное масло.

Бабушка никому не доверяла процесс сбивания. Ей казалось, что никто так не сделает, как она. А потому, залив все ингредиенты в *нехре* (специальный кувшин для сбивания масла), бабушка присела на пол, и процесс начался. Час сбивает, два прошло, вышло все положенное время, а масла совсем чуть-чуть. – Что такое, масла совсем мало, – недоумевала она. – Наверно, у буйволиц портится молоко, совсем нежирное стало, никогда такого не было. Свекровь промолчала, зная, что как только токсикоз у невестки пройдет, то и с молоком, и с маслом все будет хорошо. Но вскоре Минаш все же попала и бабушке, когда снимала очередную порцию жирного верхнего слоя гатыга.

– Доченька, наверно, ты хочешь вкусный гатыг, давай для тебя отдельно за-квашу в банке, – заботливо сказала она, подойдя к невестке.

– Нет, бабушка, не хочу, в банке горлышко узкое, значит, будет меньше и жирности, и брать его неудобно, а я хочу очень жирный, он такой вкусный, – заулыбалась в ответ Минаш. Бабушка засмеялась:

– Так это ты съедаешь всю жирную верхушку с гатыга, а я гршила на наших буйволиц. Думала – вот, молоко испортилось совсем, нежирное стало. Хотела продавать их. А они тут и ни при чем, – сказала она, заливаясь смехом. – Ну ладно, ничего, период у тебя сейчас такой, скоро пройдет, у всех проходит.....

На Минаш никто не мог злиться или обижаться. Она всегда была такой отзывчивой, наивной, веселой и непосредственной. Говорила, что думала, охотно училась разным делам по хозяйству. Никогда не сдавалась, а потому была любимицей у всех домочадцев. Кроме того, она была источником хорошего настроения для всех с самого первого дня своего появления в этой семье. И это совсем не из-за того, что она часто попадала в смешные истории, вовсе нет. Просто она всегда была человеком ярким, искренним, светлым и добрым. А поводов для смеха действительно находилось очень много.

– Солнце село, уже не так жарко, пойду в огород полоть грядки. Травой за-растет все, а рассада еще молодая, надо поухаживать за ней, – сказала однажды свекровь.